

Начало учебного года

— Да я вообще сюда в убыток себе хожу. За день, что АОНЫ паяю, получаю больше, чем за неделю работы на кафедре.

— А что такое АОН?

— Автоматический определитель номера. Это телефонный аппарат, который определяет, кто тебе звонит, и на экране номер вызывающего абонента высвечивает.

— А как же сеять «разумное, доброе, вечное»? Кто, если не мы?

Тут в преподавательскую кафедры кибернетики Московского института электроники заглянул её заведующий — профессор Николай Петрович Соков. Диспут о высоком и не очень на мгновение стих, а затем и вовсе прекратился, когда заведующий кафедрой, оглядев присутствующих, остановил взгляд на паяльщике АОНов и выдал:

— Алексей Алексеевич, будь добр, загляни ко мне, пожалуйста. Поговорить надобно.

Когда Алексей Алексеевич закрыл изнутри дверь в кабинет своего непосредственного начальника и сел после приглашения на один из стульев для посетителей, то завкафедрой продолжил:

— Лёш, у меня к тебе личное дело. Ты же давно меня знаешь! Кстати, а сколько? Лет двадцать, наверное?

— Осенью двадцать три будет. В семьдесят первом меня только ассистентом кафедры назначили, и я тебя на лабораторных исследованиях по программированию тогда первый раз и увидел. Ты вёл курс по фортрану, а я по алголу.

Дальше Алексей, уже не вслух, стал вспоминать, как они вместе с Николаем на курсах соискателей снова пересекались — и когда кандидатский минимум сдавали, и потом на своих защитах. Доцентов они тоже практически вместе получили. Он даже на пару месяцев раньше Коли. А потом Алексей притормозил как-то, даже непонятно с чего. А вот Николай, наоборот, сильно в гору пошёл. Сначала — докторская, потом профессора получил, и вот уже четыре года как заведующий их кафедрой кибернетики. Алексею это уже всё не светит, да и не

гreet, в общем-то. Потерял интерес к науке. Живёт словно по инерции, на старом багаже.

Николай Петрович тоже молчал. Не иначе как тоже их научную молодость в голове прокручивал. Наконец он отвис и перешёл к вербальному общению:

— Блин, как время бежит. Слушай, чего тебя вызвал-то? Жене моей, Ленке, операция требуется. А теперь, сам знаешь, везде деньги. Не-е, не подумай. В займы просить не буду. Кредит решил взять под залог дачи. Ты же её видел, она даже дороже стоит, чем эскулапы просят. Но там время надобно: пока найдут покупателя, пока всё оформят,— а деньги вот уже сейчас нужны. Так вот, чего я это, значит? Кредит беру, в качестве залога дачу предоставляю, но, оказывается, банку ещё и поручитель нужен. Причём это у них, видать, у всех такая практика. Я в три банка обращался, и везде этот самый поручитель требуется. Непонятно, на фиг в моём-то случае? Дача же, если что, им и так отойдёт. Но, говорят, надо. И обязательно чтобы не родственник. Вот я о тебе и подумал. Выручишь своего начальничка?

Собственно, Алексей Алексеевич и Николай Петрович друзьями в обычном смысле этого слова не являлись. Да, действительно, работали вместе больше двадцати лет, несколько раз в гостях друг у друга отмечались, обычно на юбилеях и каких-либо значимых событиях. И на даче у завкафедрой Алексей с женой Светой как-то раз поприсутствовали. Кажется, это после защиты докторской случилось. Тогда Светлана, оглядев хоромы служителя наук и когда рядом никого не оказалось, выдала вердикт увиденному: «Богато»,— без каких-либо уточнений и дополнений. Собственно, так оно и было: двухэтажный сруб из бруса, ухоженный участок с вековыми соснами на нём, цветы, грядки, причём явно не на шести сотках разбитые. Николай Петрович не афишировал и, соответственно, Алексей Алексеевич не знал, что дача эта заведующему кафедрой по наследству от деда-академика досталась. Не афишировал Николай Петрович, скорее всего, потому, что хотел производить впечатление self-made-мена. Что, в общем-то, практически соответствовало действительности. Дед его академиком от философии значился, а Николай Петрович выбрал себе в качестве стези кибернетику, про которую дед знал только, что она «продажная девка империализма». И ничем дед Николаю Петровичу в профессиональном и карьерном плане не помогал: не звонил в приёмную комиссию при поступлении и в ВАК при защитах тоже не обращался.

Пауза совместных с одной стороны, а с другой индивидуальных воспоминаний затянулась. Первым вернулся к действительности опять Николай Петрович:

— Ну так как, Лёш, будешь моим доверителем-поручителем? Алексей Алексеевич, застигнутый врасплох, ответил:

— Да,— и, скорее всего, это относилось к каким-то его внутренним мыслям, а не к прямому вопросу о доверительстве.

Он даже на какое-то время немного пожалел о сказанном, но слово, как известно, не воробей... А Николай Петрович продолжил ковать железо, пока горячо: рассказал, куда и во сколько надо будет подойти, и чтобы Алексей обязательно не забыл паспорт.

Через два дня в назначенное время коллеги встретились у банка «Надёжный кредит», и Алексей Алексеевич затем распечатался в трёх экземплярах договора напротив галочки рядом с графой «Поручитель». Попутно у него ещё паспорт отксерили. Вся процедура заняла минут пятнадцать вместе с ожиданиями. Наконец Алексея Алексеевича отпустили, а Николай Петрович остался в банке для обсуждения каких-то дополнительных деталей.

Через неделю в институте наступила горячая пора сессии, и Алексей Алексеевич совершенно забыл про эпизод с банком. А за сессией последовали каникулы у студентов и, соответственно, отпуска у преподавателей. Двухмесячные отпуска, заметим,— единственное оставшееся преимущество у сеятелей разумного, доброго, вечного на ниве высшего образования. Алексей Алексеевич эти вакации с женой Светланой на своей даче провёл. Она, конечно, была не чета хоромам завкафедрой — всего лишь сборно-щитовой домишко с одной спальней и кухней, да и участок даже не шесть соток, а только четыре с половиной, зато свой. И грядок практически никаких, исключая одну с петрушкой, укропом и редиской. Ну и, конечно, цветы — их Светлана очень жаловала. Два месяца тоже влёт пролетели, настала пора Алексею Алексеевичу в альма-матер возвращаться.

Первое заседание кафедры тридцать первого августа прошло без Николая Петровича. Впрочем, никто и не удивился, вопросов срочных ещё не накопилось, и мероприятие относительно быстро провёл заместитель завкафедрой, второй профессор Смирнов. По расписанию у Алексея Алексеевича занятия начинались со второго сентября. В этот день он провёл две пары лекций на четвёртом курсе и в семнадцать ноль-ноль семинар у вечерников. Затем ещё заглянул в читальный зал полистать свежие журналы в категории «Computer science»,

вернулся в преподавательскую, чтобы выпить чая на дорожку, и, наконец, двинулся восвояси.

К девяти вечера уже заметно потемнело, на крыльце института студентов, включая вечерников, уже не наблюдалось, только маячил какой-то мужик в спортивном костюме Adidas, ростом ниже среднего, но значительно шире того же среднего в плечах. Как только Алексей Алексеевич появился на крыльце, «спортсмен» практически мгновенно оказался напротив последнего.

— Лексей Лексеич? Робов? — поинтересовался он.

— Да-а-а, — чуть удивлённо ответил Алексей Алексеевич.

— А где начальничек твой и подельник заодно, Коля, случайно не в теме будешь?

— Простите, что?

— Я что, не по-русски говорю? Профессор, Коля Петрович который, пахан вашей научной шарашки. Он в банке нашем денег занял, а как отдавать — так в бега. А ты, мил человек, за него подписался. Его-то мы разыщем всенепременно, дальше великобабашкинского погоста не убежёт, а вот тебе, Лексей, — не советую. Зачем жёнушку свою благоверную Светлану и дочку единокровную Олюшку на разборки наши оставлять? Короче, за Колей твоим должок на тридцать лямов и процентов по десять косарей за неделю. Итого уже тридцать с половинкой лимонов накапало, включая издержки. Бери мою визитку, позвони до воскресенья, сообщи, как отдавать думаешь. И не глупи, дядя, ну и не хворай.

Спортсмен развернулся и словно бы невзначай задел локтем солнечное сплетение Алексея Алексеевича. Получилось как раз под дых. В глазах доцента потемнело, и он согнулся настолько низко, как у него никогда не получалось на утренней зарядке. Вот так для Алексея Алексеевича начался новый учебный год.

«Совет в Филях»

По дороге домой Алексей Алексеевич раздышался и потихоньку пришёл в себя, по крайней мере, физически. Психического и душевного спокойствия он, разумеется, не приобрёл, скорее наоборот.

Дома жена поинтересовалась, чего это он такой хмурой. Зарплату за июль и август не перечислили, что ли? Алексею Алексеевичу пришлось пересказать Светлане, как он выступил поручителем по кредиту завкафедрой, что тот куда-то в

последнее время задевался, а на него бандюган наехал, в солнечное сплетение врезал и угрожал им, Светлане и дочери.

Вердикт Светланы был, как всегда, немногословен:

— Ну ты дурак!

Но на этот раз она всё-таки продолжила:

— Звони прямо сейчас своему Николай Петровичу.

Здесь Алексей Алексеевич перечить жене не стал, как был в ботинках, так в них и попёрся к телефонному аппарату, но в ответ трубка выдавала только длинные гудки.

— Давай ставь на автодозвон, рационализатор хренов! Зря, что ли, ты эти АОНЫ паяешь?

Тут Алексей Алексеевич возразил, что не видит в этом смысла, а лучше с утра ещё раз Николая Петровича наберёт.

— Не хочешь ему, тогда давай в милицию. Надо же что-то делать. Себя и меня не жалко, так хоть о дочери подумай, ей ещё жить и жить, детей рожать.

Но и здесь Алексей Алексеевич заупрямился, предложил Светлане всё сначала спокойно обдумать и уж потом действовать. До конца недели им срок таки предоставили. И стали они обдумывать. Хотя, если честно, большинство вариантов предлагала Света, не все, правда, реалистичные: от поиска других бандитов, чтобы те на этих наехали, до покупки на чёрном рынке боевого оружия. Алексей их дипломатично отклонял. Потом опять же Светлана вспомнила про мужниного знакомого Мишу, с которым они иногда на рыбалку ездили. Он хоть и пенсионер, но до этого в милиции трудился, чуть ли не в МУРе. Алексей совсем про него забыл. Света настаивала звонить ему прямо сейчас, хоть уже практически полночь наступила. Алексей и здесь уговорил Светлану дать ему и товарищу его Михаилу тайм-аут до утра. Засим и спать легли, даже без ужина.

Утром деятельная Светлана разбудила Алексея и сразу погнала его к телефону. Номер Николая Петровича продолжал не отвечать, а вот Михаил ответил сразу, как будто у трубки дежурил:

— Привет, Лексей. Что, хочешь меня, старика, в выходные на рыбалку пригласить? — на аппарате у него тоже АОН был, подаренный доцентом.

— Добрый день, Михаил. Нет, не на рыбалку. Хотел проконсультироваться по тематике твоей прежней работы, милицмейской.

— Что, студентики обещали отметить, коли зачёт им не поставишь?

— Да нет. Посерьёзней дело будет: я у завкафедрой выступил поручителем по кредиту, а он исчез куда-то, а вчера на меня по этому поводу наехали.

— Ну и дела. Давай тогда пересечёмся в парке, например, в Измайлово. Сядем на лавочке, перетрём спокойно. А потом ты меня пивком за консультацию отблагодаришь. У тебя сегодня как с занятиями?

Лекций и семинаров на сегодня у Алексея Алексеевича в расписании не значилось, поэтому договорились встретиться в одиннадцать у выхода из метро «Измайловская». Жена заставила Алексея взять на встречу визитку бандюгана и записать на отдельном листочке название банка, где он поручителем по кредиту отметился. Экипированный таким образом Алексей отправился на запланированную встречу.

Из метро Алексей Алексеевич вышел в десять часов двадцать пять минут и целых полчаса нервно вышагивал на маленьком асфальтовом пятачке напротив лестницы, ведущей в подземку (хотя «Измайловская» и была наземной станцией). Михаил появился ровно за две минуты до одиннадцати. Друзья поздоровались и пошли искать ближайшую пустую и не сломанную лавочку. Таковая нашлась третьей по счёту от начала их маршрута. Сели. Алексей пересказал Михаилу обрушившиеся на него несчастья и закончил традиционным русским вопросом:

— И что же теперь делать?

Потом дополнил:

— Может, в милицию обратиться?

Михаил молчал. Алексей хлопнул себя по лбу:

— Совсем забыл. Вот визитка того, кто мне в солнечное сплетение засветил, а вот название банка.

Михаил покрутил визитку, развернул, а затем свернул листок с названием банка, нахмурил лоб, поднял взгляд к небу и продолжал молчать. Секунд через тридцать, словно переварив полученную информацию, Михаил подал голос:

— Ну, в милицию обращаться сейчас совсем смысла нет. Ты выступил поручителем по кредиту своего завкафедрой, значит, по закону, при отсутствии должника ты принимаешь данные им обязательства на себя. И, соответственно, ничего по этому факту предъявить не сможешь. Угрозы к делу не подошьёшь. Медосвидетельствования от удара по корпусу у тебя нет и вряд ли может быть. Эти ребята дело своё знают. А слова... Тебе без протокола наверняка скажут: «Вот когда вас убьют, тогда и вызывайте».

Кстати, а у тебя ксерокса кредитного договора нет? Или хотя бы его номера? Жаль. Тогда пиши ФИО своего профессора. Паспортных данных его, конечно, тоже нет? Ладно, это пробьём.

— Так что мне всё-таки делать?

— Подожди. Дай подумать... Значит, ребята, что на тебя наехали,— затонские. Это на визитке твоего бандита наглядно читается. Банк «Надёжный кредит» тоже под ними ходит, так что всё сходится. Надобно выяснить, почему они просто дачу профессора твоего в обеспечение кредита не взяли. Ты говоришь, там участок большой с соснами, дом из бруса двухэтажный, подъездная дорога асфальтированная, газ, водопровод. Этого за глаза хватить должно. Может, твой начальник успел её ещё и продать кому-то до передачи в залог? И кому-то очень крутому, так что затонские отжать не смогли. Надо бы поузнавать.

— А мне-то что делать?

— Что ты, как попка, заладил: «что делать, что делать»? Ты уже всё, что мог, сделал. Расслабься пока, до воскресенья тебя не побеспокоят. В этом они слово держат. А вот дальше понапрягаться придётся. Ладно, информацию исходную для размышлений я получил. Надо покумекать да факты кое-какие пособирать. Встретимся тогда в четверг. Завтра созвонимся. Ну всё, бывай.

Ночь со среды на четверг Алексей Алексеевич практически не спал. Вставал то в туалет, то попить. А потом взял на кухне будильник, который ещё когда-то по совместительству был электронной игрушкой дочери с волком из мультика «Ну, погоди!», и с трёх до шести ловил в этой игре виртуальные куриные яйца, очень надеясь достичь результата в тысячу очков. Ни разу не сошлось. В семь часов, легко перекусив, Алексей Алексеевич отправился на встречу с Михаилом.

Их лавочка в Измайловском парке опять оказалась свободна. Алексей Алексеевич присел в ожидании Михаила и практически заснул. Очнулся, только когда Михаил тихонько потряс его за плечо, приговаривая:

— Ну ты, брат, даёшь. Проспишь так всё царствие небесное.

Алексей дёрнулся, но, увидев, что это Михаил, успокоился и даже улыбнулся кончиками губ. Михаил сел рядом и стал делиться с Алексеем собранной информацией:

— Куда делся начальник твой с семьёй своей, выяснить пока не удалось ни мне, ни затонским. Но дачу он действительно успел продать вице-президенту одной нефтяной компании,

которую бирюлёвские крышуют. Они покруче затонских будут, те в данном случае на них из-за этого не полезут. Вот только тебе от этого не легче. Долг по-любому на тебя переходит, и ещё, чтобы другим показать свою крутость, они могут к тебе или семье твоей акцию устрашения применить, чтобы другим неповадно было. Да не кипишуй ты. Просто тебе и жене твоей с дочерью надо на полгода или год из Москвы свинтить. И причём порознь. Тебе-то точно, жена с дочерью ещё вместе могут отправиться. Ольга в какой класс перешла?

— Она в этом году закончила школу. В первый мед поступала, баллов недобрала. Собиралась как раз в сентябре работу искать, с медициной как-нибудь связанную.

— Значит, будет искать работу где-нибудь в Укушуйске или Сольвычегде. Придумай, куда их отправить, а про тебя — я порешаю. К вечеру надо определиться. Созвонимся, а завтра, извини, в путь. Забыл сказать: надо не просто скрыться, а ещё сымитировать вашу погибель, чтобы кредиторы вас искать перестали. У тебя же «москвичок» есть, четыреста двенадцатый?

— У меня «москвич» двадцать один сорок.

— Извини, не хотел обидеть. Но, с другой стороны, конём твоим стальным пожертвовать придётся. Инсценируем автоаварию с пожаром и тремя трупами. Бомжей подходящих в морге подберём. Хоронить в закрытых гробах будем, справки все выправим, никто носа не подточит. Тебе только надо определиться, куда жену с дочерью отправить. Здесь не помогу. Думай. И будьте готовы завтра по холодку к новым местам жительства тронуться. Засим разрешите откланяться, с комприветом — искренне любящий вас Ульянов-Ленин.

Пока Алексей Алексеевич ехал до дома, внутри у него всё сжималось от предстоящего разговора с женой о переезде. Он мысленно в картинках представлял себе, как будет ей возражать, что за аргументы использовать, чем убеждать. Но оказалось всё значительно проще. Светлана по четвергам уже достаточно давно не работала. Экономистов их НИИ больше года как перевели на трёхдневную рабочую неделю: понедельник, среда, пятница. Зарплату не повышали, но и никого явно не сократили, только тех, кто сам ушёл. Соответственно, и в этот четверг Светлана была дома и ждала Алексея Алексеевича прямо как Ярослава, правда, не у окна, а в прихожей на пуфике. Пересказ мужа о том, что им надо сымитировать собственные похороны, а после ещё и расстаться как минимум на год, внешне не

вызвал у неё никакой реакции и слов, хотя в голове крутилось: «Не жили хорошо, нечего и начинать». Тут, правда, она немного лукавила: до кончины Леонида Ильича доценты и экономисты в стольном городе Москве жили, в общем-то, неплохо. Не чета настоящему. Но что сейчас о Брежневе? Им о себе думать надо.

Даже тот факт, что Свете с Олей ещё надо было самим выбрать пристанище на будущий год, не вызвал у Светланы реакции, ожидаемой Алексеем Алексеевичем. Она очень быстро вспомнила о письме, пришедшем на прошлой неделе от Ирины, подруги ещё со школьных времён, из Саратова. В последнее время они такими посланиями обычно два раза в год отмечались — на день рождения каждой. Это же письмо было внеочередным. В нём Ирина сообщала, что скончалась её мать, что ей сейчас очень пусто (мужа и детей у неё не было), и приглашала в гости в любом составе: хоть одну, хоть с дочерью, хоть втроём. Письмо то ещё ждало ответа. В другое время Светлана выразила бы соболезнование и тактично отказалась от визита, легко придумав повод. А сейчас приглашение оказалось как нельзя в руку. Значит, им с дочерью — путь в Саратов, а вот муж куда? Это Михаил завтра ему скажет. А пока — вещи собирать. Чемоданы, сказали, не стоит брать. Получилось три спортивных сумки, на каждого участника. Самая худая у Алексея Алексеевича получилась, с комплектом маек, трусов и носков на неделю, свитером и папкой с документами на доцента, кандидата и инженера. У девочек сумки вышли пообъёмней, на то они и девочки, но всё-таки подъёмные, ведь бесплатного носильщика в виде отца и мужа у них не будет.

Светлана смотрела на эти три сумки и почему-то совсем не страшилась завтрашнего дня. Наоборот, становилось даже интересно: что он им принесёт, как они смогут устроиться на новом месте? И ей было совсем не жалко ни их «двушки», в которой они прожили почти двадцать лет, ни практически фанерной дачи, ни развалюхи-«москвичка», которую Михаил подготовил к разбитию и сожжению. Была б её воля, то та же участь ждала бы и дачу с хрущёвкой. Но в их пятиэтажке проживало ещё порядка восьмидесяти ни в чём не повинных семей. Значит, красный петух останется только в замыслах, как и для дачи. В сценарии это не значилось.

Вроде всё необходимое сделано. Поезд в Саратов — ранним утром. Получается, только в кровать лечь. Последний раз в этом доме. Что ж, утро вечера мудренее.

Переезд

Начало следующего дня Алексей встретил на даче Михаила. Тот за ним глубокой ночью с пятницы на субботу на «уазике» своём приехал. Зверь-машина, дорожный просвет поднят по отношению к заводским установкам чуть ли не по пояс, но, несмотря на это, советский джип был практически весь заляпан грязью по самую крышу, тоже отличающуюся от оригинальной брезентовой. Гаражные умельцы за несколько ящиков водки её из нержавеющей стали сварганили и значительно лучше изначальных задумок конструкторов Ульяновского автозавода. Впрочем, на всё это Алексей в ту ночь внимания не обратил: во-первых, темно было, а во-вторых, не до того ему было — судьба, можно сказать, решалась. Чего уж там рассматривать карету, которая в любой момент может в тыкву превратиться или в лодку Харона?

Ехали долго молча, Алексей боялся спросить об уготованной ему участи, а Михаил, видать, тоже не знал, с чего начать. Только как за МКАД выехали, спичем разодрился:

— Подобрали тебе местечко. На свалке обитать будешь. Да не в смысле — закопают там тебя,— перехватил испуганный взгляд Алексея,— жить там будешь. Зато никто тебя там шукать не станет. Кто догадается профессора среди мусора выискивать?

— Да не профессор я, а всего-навсего лишь доцент. Ты же прекрасно знаешь.

— Да какая сейчас, на хрен, разница, профессор или доцент? Тебе теперь стоит думать о том, как выжить. Вот с утра поеду экипировку и обмундирование тебе подбирать, чтоб не очурился ты на свалке той. Годик или около того тебе там продержаться стоит, и исключительно самому. Я по каждому чиху не смогу туда приезжать нос тебе вытирать и мух отгонять. А они там, извини, в большом количестве. Так что мужайтесь, профессор, завтра вас ждут великие дела.

«Точно, великие дела», — подумалось Алексею Алексеевичу. Как ему там выживать-то? Он на природе, если, конечно, дачи не считать, в последний раз ночевал в студенчестве, когда они в поход ходили. Это больше двадцати лет как минуло, но он всё равно помнил, как ему тогда в палатке спать не понравилось. Все бока себе обмял, вертясь, и пока полбутылки водки не всосал, так и не смог уснуть. Он тогда в поход этот только из-за Ленки, однокурсницы своей, пошёл. Думал, на природе, может, больше шансов будет у него к ней подъехать. Но не срослось,

отшила она его прямо в первый вечер у костра, и он после этого дни считал до тех пор, пока они до цивилизации доберутся. Хотя в походе том всё экологично было: природа, однако, а не свалка. Эту мысль додумать до конца Алексей не успел — «уазик» въехал в садовое товарищество, где у Михаила стояла дача. Они быстро выгрузились и, даже не попив чая, легли спать.

Утром Алексей проснулся, когда Михаил уже уехал на рынок. Алексей вышел на крыльцо, огляделся.

«Почему я должен жить на свалке? — подумал доцент.— Тут хороший кирпичный дом, высокий забор. Кто станет меня здесь искать?»

Он поправил очки-лектор, когда-то его гордость, и присел в беседке, которую опутывал дикий виноград, налил себе чёрного чая и закурил.

«Хотя,— продолжил заумствования Алексей,— если бандиты узнают, что я жив, пиши пропало». Он докурил сигарету и направился к воротам в заборе, чтобы перекинуть через них окурок. Его друг не курил и был поборником чистоты и порядка. Но не успел: ворота автоматически отъехали в сторону, во двор вкатился зелёный «уазик» полковника. Михаил вылез из машины и открыл дверь багажника.

— Во, смотри,— сказал он,— купил тебе всё, что нужно: палатку, матрас, спальный мешок, даже котелок.

— А резиновую лодку не купил? — съязвил Алексей.

Полковник улыбнулся.

— Кстати, рыболовные снасти тебе не помешают,— продолжил полковник.— На территории свалки есть озеро, в нём полно рыбы, будешь ловить и периодически себя фосфором подкармливать. Это для ума полезно. Да и я не смогу тебе всё время продукты возить, засветиться недолго. Так что давай собирайся, поехали.

— Михаил, а может, всё-таки спрятаться где-нибудь в деревне? — на всякий случай спросил Алексей.

— Нет,— ответил Михаил.— Везде есть милиция, и добрые люди донесут, что появился в их краях странно вежливый человек в очках складных, наверное, это шпион. Мои коллеги бывшие точно проверят.

— Хорошо,— с сожалением согласился Алексей.— Может, выпьем тогда на дорожку? А то как-то беспокойно на душе.

— Там и выпьешь с новыми друзьями,— рассмеялся полковник,— я тебе всё уже положил. Давай садись в машину.

Алексей сунул в машину рюкзак с вещами, устроившись на переднем сиденье. Зелёный советский джип медленно выехал за ворота и, набирая скорость, поехал по неровной дороге. Алексей с грустью смотрел в окно. Лес сменился перелеском, никаких деревень и посёлков, но ехали они недолго: где-то через час машина подъехала к воротам, за которыми виднелась свалка, похожая на гору в чистом поле. Стая чаек кружила над пиком мусорной горы, наперебой крича: «Дай! Дай! Дай!» Из будки около ворот вышел охранник в чёрной форме, на его рукаве красовалась эмблема «Легион». Полковник приоткрыл боковое стекло машины:

— Таможня, открывай, я с начальством договорился.

Охранник молча распахнул ворота. Михаил нажал на педаль газа, джип въехал на территорию свалки, объехал гору и остановился около небольших домиков, похожих на пещеры из коробок. Все сооружения были сделаны по-разному, но одно удивляло: они стояли строго в линию, как с одной, так и с другой стороны, а посередине проходила дорога. Архитектурным венцом служил металлический флагшток, на котором развевался чёрный флаг с надписью «Посёлок людей». Полковник вышел из машины и громко свистнул. Из одной пещеры, которая была сложена из пустых бутылок водки Quadro, вылез мужчина с белой нестриженной бородой, одетый в домашний халат, на ногах с чёрными ногтями красовались шлепанцы Nike. Алексей тоже покинул джип, с любопытством рассматривая жилище бородача. Бутылки, из которых был построен дом, имели ровную квадратную форму, практически как кирпич,— по всей видимости, бородач просто склеил их вместе.

«Оригинально»,— подумал Алексей. Тем временем человек с бородой поравнялся с Михаилом.

— Привет, Егор,— сказал полковник бородачу.— Вот, привёз, как договаривались,— он указал на Алексея.— Прошу не обижать.

Егор улыбнулся, сверкнув своим одним золотым зубом.

— Как можно, гражданин начальник? — ответил он.— Я, как председатель, за этим прослежу.

Полковник сунул бомжу в карман халата сложенную в четыре раза купюру, так что номинал был непонятен.

— Премного благодарен! — поклонился Егор.

Сергей открыл багажник «уазика».

— Куда грузить пожитки? — спросил он.

— Пока Алексей будет жить у меня,— ответил председатель.— Так спокойнее, а то собаки могут загрызть.

— Хорошо,— согласился полковник, выгружая вещи на дорогу.

Егор всё перетаскал в свой модный дом и сказал:

— Можете отбывать, господин начальник.

Михаил пожал доценту руку, сел в авто и уехал. Алексей стоял на совсем не широкой дороге, напоминающей тропинку. Посёлок бомжей был пуст, только Егор ждал его около входа в свою стеклянную пещеру.

— А где все жители? — спросил Алексей.

— Работают, собирают бутылки и жестяные банки,— ответил Егор.— Надо платить директору свалки за проживание. Да вы не беспокойтесь, будете жить как граф. Михаил оплатил год вашего здесь проживания.

— М-да,— произнёс Лёха и подошёл к стеклянному дому.

Двери не было, просто шторка.

— Прощу,— сказал Егор, отодвинул шторку, нагнул голову и исчез в недрах пещеры.

Лёха поправил очки и тоже вошёл. Изнутри пещера была обклеена вырезками из журналов, посередине стоял настоящий стол с табуретами, слева и справа две кровати, а в конце комнаты на тумбочке из красного затемнённого стекла красовался телевизор «Рекорд», и если бы точно не знать, то можно было решить, что это квартира какого-нибудь рокера. Егор указал гостю на табурет, Алексей Алексеевич присел.

— Ну что, за знакомство,— произнёс бородач и поставил на стол бутылку водки, две рюмки, хлеб и сало.

— Да, думаю, выпить точно надо,— согласился Алексей.

Бутылка, раскрасив жизнь красками, быстро опустела. Егор рассказал Лёхе про их дружный посёлок, про людей, про собак и даже птиц. Он утверждал, что здесь царит гармония: все равны перед горой и Богом.

— Скажите, Егор, а зачем телевизор? — спросил Алексей, закуривая.— Электричества же нет.

— Нет,— с сожалением согласился председатель,— но у нас есть генератор; если с водителями договоримся насчёт бензина, то смотрим телевизор, но только ночью, чтобы директор свалки не узнал.

— А что, директор не разрешает? — Лёха поставил пустую бутылку под стол.

— Да,— Егор махнул рукой,— он говорит, что мы и так зажрались, мало ему платим.

Председатель достал ещё бутылку. В этот момент снаружи раздались голоса и собачий лай. Алексей хотел привстать с табурета.

— Сиди, сиди, — сказал Егор. — Это наши с работы вернулись. Хочешь — приглашу, а не хочешь — пусть спать идут по берлогам.

— Конечно, конечно, — согласился Алексей, — надо же познакомиться.

Егор вышел и вернулся, за ним в «стеклянный замок» вошли молодой парень лет двадцати пяти и три женщины непонятного возраста. Алексей присмотрелся: женщинам было от силы лет тридцать, не больше, но обветренные лица, давно не знавшие косметики, делали из них каких-то индейцев, не хватало только перьев.

— Прошу любить и жаловать, — произнёс председатель, — это Надя, Валя и Галя, — он указал на дам.

Те в ответ засмеялись, рассматривая Алексея, как инопланетянина.

— А это Лев, — председатель указал на парня.

Тот сидел молча; по всей вероятности, он очень устал, и ему было всё равно, как его назовут, дали бы выпить. Алексей сразу догадался.

— Давай, хозяин, угощай, — сказал он Егору.

Через пятнадцать минут водка тёплым змеем проползла по желудкам бомжей, сделав своё дело. Женщины поведали новому поселенцу, как когда-то, в хорошие времена, они были проститутками, жили хорошо, пока не попали в собственность одному садисту, откуда и сбежали на свалку, чтобы отсидеться. Вот только свалка отобрала всё, и теперь ехать домой на Украину они боятся, стыдно, а здесь они никому не нужны.

— Да, не повезло, — произнёс Алексей, — но, думаю, всё наладится.

— Ха! — воскликнул Лев. — На свалке больше двух лет не живут.

— Почему?

— Холодно и голодно. В нашем посёлке прошлой осенью было десять человек, зиму пережили только мы.

— Так бегите отсюда.

— Куда? У нас ни документов, ни денег, мы — рабы директора, нас даже за ворота не выпускают.

Алексей налил всем водки и первым выпил.

— А документы где? — спросил он.

— У директора, — ответил Лев, опустошив рюмку. — Мне вообще менты подложили наркотики и пообещали пожизненный срок, если я не перепишу квартиру. Я и переписал сдуру, потом меня отвезли на свалку и живьём закопали. Повезло, что в кармане у меня лежал бутерброд с колбасой, бездомные собаки учуяли и раскопали. Теперь свалка — мой родной дом.

Алексей чуть не заплакал, сердце его сжалось, как губка. Он понял, что его история — это ещё цветочки.

— Алексей, а расскажите нам свою историю, — попросила Надя.

Председатель зло на неё шикнул.

— У меня тоже невесёлая правда жизни, — ответил Лёха, — но я не могу рассказать, пострадают дочь и жена.

— Всё! Всё! Все по пещерам, — скомандовал председатель. — Завтра на работу.

Народ нехотя побрёл к выходу.

Алексей долго не мог заснуть: вонь, перемешавшаяся с алкоголем, казалось, засела в каждой клеточке его естества. Он переворачивался с боку на бок — всё было тщетно. В итоге доцент накинул на себя куртку и вышел на улицу покурить. Освещения, конечно, не было. На фоне полной луны «Посёлок людей» выглядел жутковато. Доцент закурил сигарету, с удовольствием затянулся, выпустив дым в звёздное небо. Через секунду его окружили десятки красных глаз, это были местные собаки. Взяв Алексея в кольцо, они подходили всё ближе и ближе. Вот это поворот!

— Фу! Свой! — услышал он за спиной голос Егора.

Собаки завили хвостами и исчезли во мраке.

— Спасибо, — Алексей вытер испарину со лба.

— Да не за что. Хорошо, я успел, они тебя не знают и могли запросто загрызть. Тебе чего не спится?

— Есть такое дело.

— Это ничего, привыкнешь, — председатель нырнул обратно в дом.

Доцент, недолго думая, последовал за ним. Теперь сон не заставил себя долго ждать. Наверное, от стресса. Алексей прилёг на кровать и сразу заснул. Ему почему-то приснилась кошка Буся.

Десять лет назад его жене на работу подкинули котёнка. Обычного серого котёнка с белой грудкой. Света пожалела пушистого малыша и принесла домой. Посмотрев на котёнка, он вспомнил, как отдыхал в одном подмосковном пансионате.

В столовой его посадили вместе с шумной армянской семьёй, включающей обоих родителей и трёх симпатичных дочек. Все девочки были милы по-своему, но младшенькая казалась самой красивой из них. Её звали Буся. Котёнок чем-то был похож на ту девочку, и Алексей решил дать ему так понравившееся тогда имя.

Котёнок рос на глазах, днём бегал, играл, а когда приходила ночь, забирался на кровать и устраивался спать на голове у Светы, свернувшись калачиком. Прошло время, Буся выросла, превратившись в стройную красивую кошку. На улицу её не выпускали, но и стерилизовать не понесли. Теперь Буся не спала на голове у Светы, почему-то она выбрала угол кровати, наверное, чтобы никому не мешать, а может, видела то, что человек видеть не может. Говорят, кошки видят параллельные миры. Алексей не раз замечал, как Буся сидит на углу кровати и, не отрываясь, смотрит в темноту. Конечно, это мистика, а реальность — это просто доброта, которую любая кошка приносит через всю свою жизнь.

Алексей по выходным частенько с друзьями гонял в дворовой коробке мяч и нередко приходил, хромя то на правую, то на левую ногу. Буся безошибочно определяла больную конечность и спала всю ночь именно на этой ноге. Алексей так привык к этому, что абсолютно не удивлялся, ложась спать, звал кошку, и она послушно, нет, даже с большим удовольствием ложилась на ушибленное место. А с утра боль уходила или ослабевала — может, конечно, и сама, но Алексею нравилось думать, что его так лечила кошка.

Жизнь шла своим чередом, где-то замедляя ход времени, где-то его ускоряя. Алексей и не заметил, как Буся состарилась. Шестнадцать лет для кошки — почтенный возраст. У него и раньше были кошки и коты, но всё как-то проходило само собой: предчувствуя свой конец, они уходили из дома, умирая там, где их никто не видит. С Бусей было всё по-другому, Алексея и его семью ждало настоящее испытание.

На горле у кошки появилась опухоль и стала быстро расти. Алексей отнёс Бусю к ветеринару. Узнав, что кошке шестнадцать лет, доктор сказал:

— Пока ест, пусть живёт, а вот когда перестанет... Вы должны понимать, ей очень больно!

— Плохо, — грустно произнёс Алексей. — А может, операция?

— Это дело ваше. Выбирайте. Гарантий при её возрасте нет. Я бы на вашем месте не стал её и себя мучить.

— Спасибо, доктор,— сказал Лёха, взял красную сумку, в которой спокойно сидела Буся, и пошёл домой.

Прошла неделя, другая. Буся уже не приходила спать к нему на кровать. Она целыми днями и ночами сидела на спинке стула подле окна, грустно разглядывая голубей, воркующих за стеклом. Изредка Буся покидала свой стул, чтобы поесть, но ела с трудом, пуская кровавые слюни. Алексей и все домочадцы очень хотели, чтобы Буся умерла сама, но ждать больше было нельзя. Каждому человеку судьба готовит испытания, это было одним из них. В обычный летний день он посадил Бусю в сумку и принёс в ветеринарную лечебницу.

— Что вы хотите? — спросил его доктор в голубом халате.

— Что вы хотите? — повторил Алексей, посмотрев на красную сумку, в которой спокойно сидела его кошка.

На долю секунды он впал в ступор: а всё ли правильно он делает?

— С вами всё нормально? — спросил доктор.

— Да, да, доктор, со мной всё нормально,— чуть не плача, сказал Алексей,— а вот кошку надо усыпить.

— Проходите,— доктор протянул ему два листа,— заполните, пожалуйста.

Пока Алексей писал, кошке ввели снотворное. Буся лежала на железном холодном столе, смотря на хозяина своими красивыми серо-зелёными глазами. Алексей подошёл к кошке и погладил её по голове. Слезы сами по себе потекли из его глаз, падая на застывшие в спокойствии серо-зелёные глаза друга.

Утро наступило с болью в голове. Доцент открыл глаза. За столом сидел Егор и пил чай.

«К чему мне приснилась кошка? — подумал Алексей.— Наверное, что-то произойдёт...»

— О, проснулся,— произнёс председатель.— Ночью ты плакал. С тобой всё нормально?

— Да уж! — ответил Лёха, присев на кровать.— Где можно умыться и побриться?

— На улице висит пластиковая бутылка, поворачиваешь крышку — вода льётся.

Алексей достал из рюкзака полотенце, зубную щётку с пастой, станок и вышел из стеклянной пещеры. Рядом с домом на дереве была прибита пластиковая бутылка горлышком вниз.

Лёха чуть отвернул крышку — полилась вода. Автоматика! Со всем как то, чему он совсем недавно учил студентов.

Доцент умылся, вернулся в дом и сел напротив Егора.

— Чай будешь? — спросил председатель.

— Давай, — согласился Алексей.

Бородач налил новому другу кипятка, выдал пакетик чая и два куска сахара. Доцент заварил чай, сделал глоток. Привкус воды был странный: то ли тина, то ли вкус водорослей.

— Что это за привкус у воды? — спросил Лёха.

— Вода как вода, — ответил председатель, — из местного пруда, другой нет.

Алексей поморщился.

— Я так понимаю, моетесь вы тоже в этом пруду?

— Точно! — Егор улыбнулся своим золотым зубом.

— А зимой там же? — отхлебнув подозрительного чая, спросил Алексей.

— В холода, — ответил председатель, — мы топим снег и моемся на улице.

— Круто, — изрёк Лёха, понимая все прелести своего нового проживания. — И что мне сегодня делать? Чем заняться?

— Оставайся дома, пообвыкнешь малость, а завтра можешь с моими на работу сходить — мусор сортировать. Если, конечно, хочешь. Тебе ж, в принципе, работать не обязательно. Год проживания в нашем санатории полковник тебе оплатил.

— А сегодня можно со всеми поработать? Чего я тут один делать буду? А так на миру и смерть красна, — непонятно с чего пословицами заговорил Алексей.

— Ну, до смерти тут ой как близко. Ладно, держись тогда Лёвы, под мусоровозы, когда они разгружаться будут, не бросайся. Сиди тихонько рядом и ковыряйся, собирай пластик, банки жестяные, ну и металл, если попадётся. Макулатуру не надо, за неё теперь вообще копейки платят, за день даже на бутылку пива не заработаешь. Перчатки и мешки в ящике из-под Toshiba слева от входа в мою фазенду, лопаты и щупы свободные там же рядом стоят. А когда устанешь — возвращайся, я тут завсегда. Дебет с кредитом подбиваю.

Новая работа

Сортировать мусор оказалось не так уж и сложно: сидишь на куче его, щупом потыкаешь, лопаткой сапёрной ковырнёшь, а

потом это — в этот пакет, это — в тот, а это — в никуда. Долго сидеть только на корточках с непривычки тяжело. Опять же колени у Алексея Алексеевича ещё до его воцарения на свалку болели. Доктор тогда сказал, что нагружать их поменьше следует. На даче такая отмазка перед женой прокатывала, а здесь как-то стыдно ему было перед новыми товарищами — коллегами по несчастью. Хоть и заплатил полковник за его проживание, но не мог Алексей на виду у всех просто так баклуши бить. Совесть не позволяла.

Время, когда работаешь, летит быстро. К двум часам, прямо как в госучреждениях, объявили обеденный перерыв. Здесь же, на мусоре, поставили раскладной столик, даже скатёркой клеёнчатой его накрыли, прямо как у него на даче. Сервировали дамы, в ход пошли хлеб, колбаса, сыр, огурцы с помидорами и несколько бутылок, одна тёмного стекла, точно от амаретто, а когда её открыли, то Алексей Алексеевич сразу же учуял сладковатый запах итальянского ликёра, и это несмотря на общее амбре свалки. Ещё на одной бутылке красовалась аляповатая и сильно смазанная надпись «Водка», остальные ёмкости по форме и материалу тары, скорее всего, содержали минеральную или газированную воду. Так впоследствии и оказалось. Все чего-то ждали, к трапезе не приступали, пока Лев, как старший после Егора в бригаде, не произнёс спич, по смыслу напоминающий предобеденную молитву:

— Спасибо работе нашей, дающей хлеб, еду и питьё. Если хорошо трудиться, то с голоду нигде не умрёшь. А тут уж и по-давно. Ну что, девочкам — ликёрчика, а нам — по беленькой.

После этих слов Лев приступил к роли виночерпия, разлив в пластиковые стаканы сначала амаретто, а затем и якобы водку.

— Ну, будем.

Все выпили. Алексей даже удивился, что беленькая оказалась даже ничего так себе, без малейшего сивушного запаха и отрыжки. Дальше пошла очередь колбасы и хлеба, и они не вызвали у бывшего преподавателя чувства отторжения, хотя Алексей практически на сто процентов был уверен, откуда они появились на столе.

Тут ему вспомнились военные сборы после института, куда их повезли для принятия присяги и получения лейтенантских звёздочек офицеров запаса. Мероприятие было длительным, где-то месяца полтора. Происходило оно в действующей ПВО-шной части под Львовом. Всё это время числились они обычными рядовыми, кроссы с полной выкладкой бегали, по утрам из кроватей в сапоги с портянками ныряли туда и обратно за сорок пять

секунд, ну и питались в обычной солдатской столовой со стандартными: «Рота, равняйся! Смирно! Вольно! Сесть! Раздатчикам пищи встать! К раздаче пищи приступить!» Ну и сама пища по большей части была перловкой, изредка с тушёнкой. Московские изнеженные мальчики первые несколько дней не могли такое в себя затолкать, в солдатский чепок питаться бегали. Но деньги скоро закончились, да и не наешься толком печенюшками с конфетами. Так что на третий-четвёртый день все будущие защитники родины перловку из тарелок до скрипа выскребали.

А здесь, на свалке, Алексей уже сейчас, на второй день пребывания, с радостью закусывал водку неизвестного происхождения колбасой с хлебом явно из мусорных контейнеров. Голод, как известно, не тётка, но тут было что-то другое. Что — додумать Алексей не успел, так как Лев разлил по второй.

После обеда устроили перекур. Лев протянул Алексею пачку «Мальборо». Такие доцент курил в своей жизни всего несколько раз, последний — в самом начале перестройки, когда импортные сигареты в центральном военторге появились.

Покурили, посидели ещё минут десять и опять вернулись к сортировке. И так часов до семи, пока содержимое последнего мусоровоза не разобрали. В посёлок вернулись уже затемно. Новые коллеги Алексея сели вечерять, а он — сразу на койку. Только руки с лицом сполоснул и переоделся в «домашнее», под которое у него старый спортивный костюм проходил. Просто очень устал доцент с непривычки. Колени страшно болели от работы на корточках, и спина отваливалась — весь день же на ногах. И заснул Алексей сразу, без каких-либо сновидений. Так и продрых он до девяти утра, пока Егор его не разбудил энергичным потряхиванием за плечо.

— Ну, что, пойдёшь сегодня на сортировку или как?

— А можно или как? Всё тело ломит. Могу по дому что-нибудь поделать или за продуктами сходить, — по привычке, как в своё время говорил жене, стал отмазываться Алексей.

— Продукты? Хм-м. Да их ребята с полигона принесут. Можешь отдыхать, если хочешь. А можешь, кстати, на рыбалку сходить на наше озеро. Не зря же полковник удочку тебе привёз и снасти.

— Хорошая мысль. А где снасти?

— За домом лежат, там же и банка с червями, я тебе уже накопал, здесь этого добра навалом.

— А собаки меня не загрызут?

— Не-е, я им сказал, что ты свой.

Алексей накинул куртку и вышел из стеклянной пещеры. День был жаркий, на небе ни облачка. Он посмотрел на палящее солнце, снял куртку и повесил на гвоздь, вбитый в дерево. Затем, наступая на непонятные ему мешки, зашёл за дом. И вправду — удочки, садок и подсачек блестели на солнце, опираясь на стеклянную стену.

— Подсак не нужен,— сам себя уговорил Алексей, взял две удочки, садок, банку с червями и направился к пруду.

Шёл он недолго. Обогнув мусорную гору, увидел маленький пожарный пруд.

— И это что? Озеро? — возмутился Алексей, но выбора не было.

Устроившись на бревне, он закинул одну удочку. Поплавок мёртво возвышался над гладью воды. Тут он вспомнил, что на сегодня были назначены его похороны.

Прощание

Всё было организовано согласно сценарию Михаила: старенький «москвичок» Алексея Алексеевича с двумя ранее почившими бомжиками спалили в кювете Киевского шоссе. Всё честь по чести, даже «пострадавших» выбрали правильного пола и примерно соответствующего возраста. «Дублёршу» дочки пришлось подольше поискать, но и тут подфартило: наркоша один в подпольном борделе сверх дозы закинулся и превратил обитель любви в декорации фильма про бензопилу, то ли два, то ли три. Девчонок, конечно, было жаль, но что поделать? Одна как раз под дочку Алексея Алексеевича по возрасту и росту пошла. Пусть теперь уж напоследок на хорошее дело послужит.

Очень хотел Алексей Алексеевич на собственные похороны хоть одним глазком глянуть, но понимал: нельзя. В голове его картинка крутилась с Томом Сойером и Гекльберри Финном, когда те на своё отпевание в церковь явились. Там они сразу героями заделались, а здесь при таком раскладе однозначно новые гробы потребуются и вся инсценировка к чёрту пойдёт. Так что решил Алексей Алексеевич довольствоваться исключительно впечатлениями Михаила. Тому, впрочем, тоже не следовало особо светиться.

Когда распорядитель в морге вышел в центр зала и спросил: «Ну, что, Робовых-то выносим?» — передёрнуло даже Михаила,

не говоря уже про университетскую братию. Дальше последовали стандартные речи про то, «какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало», — ничего оригинального. И только второй профессор кафедры, а теперь, в отсутствие завкафедрой, ставший первым, вспомнил, что Алексей Алексеевич пришёл в институт ещё школьником на курсы абитуриентов. Стал студентом без вступительных экзаменов — как один из победителей всесоюзной математической олимпиады. Затем окончил институт с красным дипломом и более двадцати лет передавал свои знания учащейся молодёжи и своим коллегам. Что в какой-то мере Алексею Алексеевичу повезло, так как он теперь точно не увидит закат советской (простите, российской) науки. Тут некоторые из присутствующих зашикали: вечно наш второй профессор такое скажет, что хоть стой, хоть падай. Но тоже это как-то так по-доброму прошипели. Может, смерть сердца смягчила? Здесь уже распорядитель сначала знаками, а потом уже и открытым текстом попросил закругляться: типа, на прощание только пятнадцать минут отводится, и потом ещё прибавил, что носильщикам надо бы по красненькой в карман положить. Прощаться-то в привычном смысле этого слова было, собственно, не с кем — гробы ведь закрытые. Собравшиеся прошли вокруг них, кто погладил крышку, а новый завкафедрой таки положил в карман бригадира носильщиков денежку, но только бригадиру и, похоже, не красненькую. На этом скорбная процедура прощания с семейством Робовых была практически закончена. Ныне здравствующих родственников у них не оказалось, и поэтому поминки как таковые отменялись. Спасибо институту, что он хоть просто на погребение расщедрился. Могли бы сказать, что живым деньги нужнее, но не сказали. В общем, на кладбище в «пазике» с гробами поехал только завкафедрой.

Рыбалка

Наконец поплавок зашевелился и, подпрыгивая, пополз в сторону.

— Во как! — удивился Алексей. — Наверное, мелочь?

Он взял в руки удочку, сделав резкое движение в сторону, удилище согнулось, кто-то там, под водой, сильно натянул леску. Удочка вылетела из рук Алексея и поплыла к центру пруда. Ничего себе! Доцент только развёл руками. Тем временем удилище исчезло под водой, оставив на поверхности только

рукоять. Алексей, как настоящий рыбак, не привык отступать, он решительно разделся и пошёл высвободить снасти, но не тут-то было. На втором или третьем шаге ноги завязли в иле, словно это было болото. Двинуться вперёд совсем не получалось. Алексей повернул к берегу, но увяз ещё больше. Тут ступня нащупала на дне что-то твёрдое, похожее на плиту. Он оттолкнулся и смог поставить ногу уже ближе к берегу, где ила почти не было. Несостоявшийся рыбак уже хотел вытащить вторую ногу, как тут ему в голову пришла мысль посмотреть, что же там, на дне. Алексей закрыл глаза и нырнул в мутный пруд. Через несколько секунд он держал в руках алюминиевый кейс. Дальше было проще: обрадованный своей находке, доцент вылез на берег, обернувшись, посмотрел на центр пруда. Его удочка больше не торчала из воды, она просто исчезла.

— Ну и денёк! — произнёс Алексей, положил кейс на землю, поддел замки охотничьим ножом и открыл.

Глаза его округлились от удивления: кейс под завязку был заполнен пачками долларов. Недолго думая, Алексей захлопнул кейс, взял в правую руку оставшуюся удочку, в левую — свою находку и быстрым шагом направился в ставший уже родным посёлок. Большие чайки, отожравшиеся на свалке, стали кружить над профессором с криками: «Дай! Дай! Дай!» Наверное, кейс, поблёскивая на солнце, привлёк птиц.

— Да, счас! — крикнул Лёха, махнув в небо удочкой. — Это моя добыча!

Войдя в «Посёлок людей», он огляделся и нырнул в стеклянную пещеру. Егор сидел за столом, читая свежую выброшенную газету. Алексей положил кейс на стол, присев напротив председателя. Тот отложил прессу в сторону и спросил:

— А где рыба? Что, совсем не клевало?

— Егор, а тебя не интересует, что это за чемодан на столе? — вопросом на вопрос ответил доцент.

— Да, — сказал Егор, махнув рукой, — этого добра на свалке сколько хочешь, выбирай любой, а вот рыбу можно скушать.

Лёха поведал председателю про гигантскую рыбу, которая утащила удочку, про то, как он вытаскивал чемодан и открыл серебряный кейс.

— Чтоб меня чайки сожрали! — произнёс Егор. — Это же доллары.

— Да что ты говоришь?! — рассмеялся Алексей. — А я думал, это фантики.

— М-да...— задумался Егор.— Я слышал, несколько лет назад около этого пруда была бандитская разборка, тогда в живых никого не осталось, братки напрочь перестреляли друг друга. Наверное, один из них рухнул в пруд с этим кейсом.

Лёха достал из-под стола недопитую бутылку водки, приложил горлышко ко рту, сделал два внушительных глотка и, поставив пустую бутылку обратно под стол, сказал:

— А жизнь-то налаживается! Что будем делать?

— Главное, чтоб они не фальшивыми оказались. Но давай пока думать, что настоящие.

Председатель полез под кровать, вытащив оттуда настоящий граммофон, поставил его на стол.

— Будем праздновать и думать,— сказал он.

Через несколько минут друзья поневоле сидели за накрытым столом, в ход пошли все запасы, которыми Лёху снабдил полковник; зазвучала музыка «Битлз», табачный дым, перемешавшись с парами алкоголя и песнями ливерпульской четвёрки, повис туманом мечты в стеклянной пещере. К вечеру подтянулись остальные жители «Посёлка людей». Лёха предложил простой план:

— Надо дать полковнику денег, он выправит всем документы, затем заплатит директору свалки, и — свобода!

— Да! Да! Да! — в один голос закричали женщины.

Они подбежали к Алексею и стали его целовать. От таких поцелуев Лёхе стало не по себе, он с надеждой посмотрел на Егора.

Председатель всё сразу понял и сказал:

— Так, господа люди, все по пещерам, и не дай Бог кто-то из вас проговорится.

Гости покинули дом председателя, дав клятву молчать всю оставшуюся жизнь. Лёха неровно встал из-за стола и рухнул на кровать. Мысли роились в его голове. Деньги, свалка, бомжи, чайки — всё перемешалось в один пьяный и приятный сон.

На следующий день Алексей связался с полковником и попросил срочно приехать. Тот не заставил себя долго ждать. К обеду доцент сидел в зелёном джипе, который остановился напротив стеклянного дома.

— Что случилось? — спросил полковник, с любопытством рассматривая друга.— Тебя уже посвятили в бомжи?

— Очень смешно,— ответил Лёха и всё рассказал другу.

— Ну что, давай тогда купюры твои на вшивость проверим. Я машинку эту всегда в бардачке вожу.

Михаил достал детектор банкнот, и они пошли в дом председателя, сели за стол и выборочно из нескольких пачек проверили около десяти стадолларовых бумажек. Автомат на все из них выдал зелёный свет индикатора.

— Надо бы ещё номера проверить,— добавил Михаил,— не засветились ли они в каком-нибудь криминале. Если так, то менять их придётся где-то по ноль восемь от номинала. Я сейчас перепишу несколько.

— Зачем? Забирай весь чемодан. Тут его всё равно хранить негде, да и опасно.

— Доверяешь, значит? Не боишься?

— А чего тут бояться? Ты мне и так жизнь спас. На деньги эти ведь никто и не рассчитывал. А потом, они могли и фальшивыми оказаться. Так что бери.

— Хорошо, пару деньков мне дай. Я через сослуживцев бывших попробую номера пробить. Сам тогда приеду. Ну всё, бывай.

Полковник приехал, как и обещал, на третий день.

— Да,— многозначительно произнёс полковник,— за деньги можно сделать всё и деньги эти самые проверить. В общем, с точки зрения закона они чисты. На накладные расходы, правда, две бумажки ушло. Так что у тебя теперь не лимон баксов, а чуть поменьше. Но теперь-то ты не нищий профессор, а вполне состоятельный сотрудник полигона ТБО, хе-хе. Сам можешь за всё платить.

— Я ведь и не против, Миш.

— Это понятно, а что дальше-то делать планируешь?

— С кредиторами моими теперь расплатиться не получится?

— Не думаю. Там и по счётчику натикало, да и вопросы у них резонно возникнут: «Откуда деньги, Зин?» Так что не стоит. Пластическую операцию тоже не рекомендую. Для официальной объяснения и документы чистые требуются, а у подпольной — результат никто не гарантирует. В Москве тоже оставаться не резон. Потом, у тебя ещё жена с дочкой. Думать надо, куда вас отправить.

— Надя, Валя и Галина хотят на родину, Украину, Лев в монастырь собирался, а Егор планировал на Волге поселиться, в какой-нибудь забытой Богом деревне.

— Я прям как турагентство,— усмехнулся полковник.— А ты-то куда, сердобольный ты наш?

— Ну, раз в Москве нельзя, то я бы к морю хотел, тёплому.

— Надеюсь, ты понимаешь, что Доминикана с Сейшелами для тебя отпадают? Тут одного дипломата с долларами мало. Кстати, а как ты деньги решил поделить? Это только кажется, что лимон баксов — много. Всё зависит от числа участников и их процента.

— Я хочу всем поровну, а тебе из своей доли заплачу, ну и у остальных отщипнём ещё за услуги по документам.

— Благородный ты, Лёха, у нас, однако. Нашёл-то ты. Кинул бы им всем тысяч по десять баксов, ну и хватит. Они и так должны быть довольны. Не было гроша, а вдруг алтын. Ксивы мы им и так на сдачу выправим.

— Нет, Миш, всем поделим поровну. Извини.

— Как скажешь, хозяин — барин. На круг тогда по сто шестьдесят тысяч примерно получается. Тоже хорошо. Ну а с тобой-то что делать будем? Тёплое море — это у нас только Чёрное. Значит, побережье Кавказа? Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сочи опять же. Крым, правда, ещё есть, он только хохляцкий теперь, но Севастополь завсегда русским по духу был. Потом, документы украинские проще сделать. Ты как, Лёш, насчёт Севастополя?

— Я — за. Никогда там не был. Вот и познакомлюсь.

— Да я не шучу. Ты и правда готов на Украину перебраться? А жена с дочкой как? Поедут туда?

— И я не шучу. Севастополь — хорошее решение, если в Москве нельзя. А Света с Олей... Захотят — переберутся, ну а нет так нет. Насильно же их не перевезёшь, да и зачем?

— Хорошо, задачу понял. Следует поработать паспортисткой, риэлтором и турагентом. За хорошие комиссионные почему бы и нет, тем более для друга? Значит, недели три вам всем ещё придется понаслаждаться сортировкой твёрдых бытовых отходов, а то ты как-то быстро отсюда слинять решил, и десяти дней не прошло. Наслаждайся пока новыми впечатлениями: когда ещё такие получишь? Хе-хе. Ладно, я поехал, будут новости — извещу.

Севастополь

Выработка бригады после всех этих событий резко упала. К чему миллионерам, пусть и рублёвым, мусор разбирать? Но Егор пару раз сам с бригадой в поле выходил, матерился, изредка даже физическую силу применял, и к женскому полу

в том числе, и всё вернулось на круги своя. План стал выполняться. Через неделю некоторым поселковым стало казаться, что чемоданчик с баксами им просто в пьяном угаре привиделся. Тогда они вопросительно поглядывали на Алексея, но он на это не вёлся. К концу третьей недели он уже и сам стал думать: а было ли всё произошедшее, не фантазия ли это, родившаяся в его воспалённом мозгу? Единственное, что спасало, так это его собственное решение — самому не интересоваться у Михаила, как дела с их планом.

Полковник появился в посёлке в начале четвёртой недели.

— Всё улажено. Ты, Алексей, теперь никакой не Алексей, а Миколай Онисимович Бондарь, сорок шестого року народження. Паспорт оригинальный, даже фотку переклеивать не пришлось, похож как две капли, ну а усы мог и сбрить. На, смотри: узнаёшь себя? Образование средне-специальное, по экономической части. Последние пятнадцать лет трудился экспедитором в разных заготконторах вильной неньки Украины. Полгода как ушёл на покой в виде заслуженной пенсии и перебрался отдыхать от трудов праведных в славный город Севастополь, в коем приобрёл в районе Радиогорка трёхкомнатную квартиру по улице Леваневского. Там до ближайшего пляжа рукой подать. Говорили, правда, с галькой, а не с песком. Извини, хе-хе. Квартира с мебелью от старых хозяев, так что спать на чём на первое время есть. А дальше сам приобретёшь. Деньги у тебя теперь есть. Больше ста тысяч зелёных. Если особо не шиковать, то до конца жизни должно хватить, да и наследникам может ещё остаться. Ну и билет тебе на завтра, купейным прямо до места назначения. Двадцать семь часов — и ты в городе-герое воинской славы. Сейчас — ко мне домой: мыться, переодеться, ну и всё такое.

— А с остальными как?

— Не волнуйся, с ними тоже полный порядок, потому и так долго. Лёве документы новые справили, остальным у начальника свалки выкупили. Хе-хе. Спортивные костюмы им купил. Их сейчас «буханка» за шлагбаумом ждёт, они же все в мой «уазик» не поместятся. Переоденутся, и их сначала — в санобработку в спецприёмнике. Не бойся, всё договорено, никто их сажать не собирается. Помоются и одежду приличную покупать себе пойдут. А потом — как и договаривались: Егор — на Волгу, Лёва — в монастырь, а девочки — к тебе соседями на Украину. Только не советую тебе с ними там встречаться. Хе-хе. У тебя же Света есть. Так что беги, прощайся с ними, и поехали.

Через три дня Алексей открыл своим ключом дверь в ставшую теперь его квартиру на улице Леваневского. Огляделся, сходил поменять часть долларов на гривны, затарил холодильник, не забыв про водку. Вечером один отметил новоселье, а поутру побежал искать почту, чтобы заказать междугородний звонок в Саратов, жене Свете и дочери Ольге. Заказ приняли и подтвердили только на субботу. Это хорошо, им с работы отпрашиваться не придётся, если, конечно, они устроились.

Алексей пришёл на переговорный пункт за полчаса до назначенного времени и ещё долго слушал: «Волгоград, пройдите в третью кабинку», «Харьков, заканчивайте, осталась одна минута», — пока не вызвали его: «Саратов, вторая cabina».

— Свет, Света, это я — Алексей.

— А что ты в Севастополе делаешь?

— Да квартиру здесь купил, трёхкомнатную, для нас всех. Как ты когда-то мечтала, рядом с морем. Приезжайте.

— Что, на свалке разбогател?

— Можно и так сказать. Деньги на билеты, если надо, могу выслать. Бери Ольгу, и приезжайте.

— А проблемы ты свои решил? В Москву обратно нам теперь можно?

— Нет, в Москву пока нельзя, но сюда, в Севастополь, можно. Деньги у меня есть. Проживём.

— Раз в Москву нельзя, то, Лёша, извини. Может, через годик, когда отпуск заслужу, то и приедем. Я только на работу хорошую устроилась, бухгалтером в ресторан. Ольгу тоже в санаторий Минобороны нянечкой взяли. Это для поступления в медицинский хорошо. Ей же на следующий год опять поступать, если ты ещё помнишь.

— Нянечкой и здесь можно найти.

— А поступать ей куда? В украинский мед? Там же и аттестаты наши не факт что признаются. Мне дочку поднимать надо, извини.

— А как же мы?

— Об этом надо было раньше думать, когда под кредит завкафедрой своего подписывался.

— И что, это уже всё?

— Почему всё? Если у тебя и вправду деньги завелись, можешь дочке своей помочь материально.

— Хорошо, мой адрес в извещении на переговоры есть. Напиши, сколько денег надо, буду ежемесячно перечислять. До связи.

Алексей повесил трубку, не сказав дежурного: «Целую», — и вышел из переговорного пункта. А дальше пошёл, как писали в русских сказках, куда глаза глядят. Через какое-то время эти глаза (или всё-таки ноги?) вывели его на побережье, вдоль которого шла заасфальтированная пешеходная дорожка с указателями: «Михайловская батарея», «Равелин». Последняя была с каким-то номером, но он проржавел до нечитаемости. Впрочем, Алексей на это внимания не обратил, а просто шёл в одну сторону, пока не упёрся в старинные фортификационные сооружения. Он ещё долго бродил по своему новому району обитания, пока не стемнело. Тогда он поймал частного и попросил отвезти его на улицу Леваневского.

И на следующий день, позавтракав, Алексей снова пошёл бесцельно бродить по окрестностям Радиогорки. Пообедал в середине дня в какой-то придорожной кафешке. Вернулся домой в ночи, опять на попутке. Так продолжалось ещё несколько дней. С каждым разом Алексей в своих бесцельных маршрутах удалялся всё дальше и дальше от своей начальной точки на улице Леваневского. Однажды, уже ближе к вечеру, бредя так по плохо заасфальтированной дороге без тротуара, он остановился. Ему почудился какой-то знакомый чуть сладковатый запах. Что это, он не понял, но пошёл за ним, как за путеводной звездой. Сразу за поворотом перед ним в лучах заходящего солнца открылся пейзаж в виде большой горы мусора и утюжащих её бульдозеров. Алексей опять остановился прямо посреди дороги и стоял так до тех пор, пока сзади ему протяжно не просигналил мусоровоз. Бывший доцент, а теперь экспедитор на пенсии испуганно отпрыгнул на обочину. А когда КАМАЗ проехал, повернул назад и ещё долго шёл обратно, пока не смог поймать легковушку.

На другой день Алексей опять захотел наведаться на ту свалку. Только на этот раз, чтобы не прийти к закату, решил воспользоваться такси. Остановиться, правда, попросил заходя, не доезжая конечной цели своего маршрута. Наши же люди на помойку на такси не ездят.

Расплатился, немного кружным путём дошёл до полигона. Осмотрелся, сам до конца не понимая, по каким критериям, выбрал стайку копошащихся на свежей куче мусорных старателей. Подошёл и спросил:

— Мужики, примете меня в бригаду? Я на Зябликовском полигоне под Москвой раньше уже сортировал мусор. Обузой не буду.

А затем достал из заранее заготовленного пакета и поднял высоко над головой бутылку водки — предмет, который на всём постсоветском пространстве практически всегда служил поводом для знакомства.

Мужики долго молча переглядывались между собой, изредка пробегая глазами по фигуре Алексея и его предполагаемому подарку.

— Ну так как, мужики? А?..

Немая сцена затягивалась, но почему-то складывалось ощущение, что мужики примут правильное решение...